

DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.015

УДК 32

Д.А. ЯКУНИЧЕВ

аспирант кафедры философии политики
и права философского факультета

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

E-mail: yakunichevda@my.msu.ru

КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XX ВЕКА – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Статья посвящена анализу основных подходов к феномену глобализации в российской политической философии второй половины XX – начала XXI века. Прослеживается эволюция взглядов – от критико-консервативных и геополитических трактовок, направленных против западной экспансии, до цивилизационных и социально-экономических интерпретаций, рассматривающих глобализацию как объективный исторический процесс. Показано, что российские теории, опирающиеся на национальные философские традиции, одновременно критикуют «однополярный» мировой порядок и выдвигают идею многополярного взаимодействия на принципах равноправия и культурного разнообразия. Особое внимание уделяется отечественным мыслителям, предложившим оригинальные сценарии осмысления глобального устройства, включая «диалог цивилизаций» и «многополярную глобализацию». Полученные выводы могут представлять интерес для специалистов, исследующих мировые трансформации, теорию международных отношений и политическую философию.

В работе подчеркивается, что российские концепции глобализации отражают не только реакцию на внешние вызовы, но и внутренние поиски модели развития: от «умной открытости» в экономике до космизма как футурологической рамки. Анализ показывает, что, несмотря на идейную полифонию, большинство авторов сходятся в признании необратимости взаимозависимости и необходимости справедливого распределения выгод, – что делает российский опыт репрезентативным для более широкой мировой дискуссии о посткризисной архитектуре глобального порядка.

Ключевые слова: глобализация, российская политическая философия, геополитика, цивилизационный подход, многополярность, культурная идентичность, диалог цивилизаций.

Во второй половине XX века тема глобальной интеграции заняла заметное место в науке и политике. Западные исследователи – Д. Медоуз, Т. Левитт, Э. Люттвак и др. – заложили основы теории транснациональной экономической, культурной и технологической взаимозависимости [8; 20; 21]. В России вскоре сформировался собственный взгляд на мировое развитие, обусловленный

историко-философскими и геополитическими особенностями страны. Эта специфика остается актуальной: российская интеллектуальная традиция нередко критикует западное «сверхобщество» и отстаивает принципы многополярности, культурного разнообразия и уникального пути России.

Цель статьи – систематизировать отечественные концепции глобализации и показать их эволюцию от конца советского периода до наших дней. Для ее достижения поставлены задачи:

- выявить исторические предпосылки формирования российских представлений о мировых процессах;
- определить ключевые подходы (геополитический, цивилизационный, социально-экономический и др.) и их ведущих авторов;
- охарактеризовать вклад мыслителей, разработавших оригинальные модели глобального устройства;
- проанализировать перспективы дальнейшего развития этих концепций в современной России.

Исследование опирается на историко-философский и сравнительно-аналитический методы. Привлекаются труды А.С. Панарина, А.А. Зиновьева, В.Л. Иноземцева, А.Н. Чумакова, А.Г. Дугина и др., а также разработки в сфере политической теории, философии истории, культурологии и международных отношений.

Работа состоит из введения, четырех основных разделов – исторические предпосылки, анализ ключевых отечественных концепций, обзор цифровой глобализации и перспективных направлений – и заключения. В каждом разделе последовательно раскрывается становление и современное состояние взглядов на глобализацию в российской политической философии.

Термин «глобализация» используется для описания становления целостного, взаимозависимого мира. Во второй половине XX века понятие вошло сразу в несколько дисциплин – от экологии до экономической теории. Первую системную постановку глобальных проблем представил доклад Римскому клубу «Пределы роста» под руководством Д. Медоуза [8]. В экономической теории импульс дала статья Т. Левитта «The Globalization of Markets», где описано стирание национальных границ под влиянием транснациональных корпораций [20]. В 1990-е Э. Люттвак ввел термин «geo-economics», отметив, что конкуренция смещается из военной в экономическую плоскость [21]. Картину усложняет и мир-системный анализ И. Валлерстайна: он показывает, что периферия и полупериферия встроены в мировую экономику структурно, а не случайно [22].

К началу XXI века «глобализация» стала как одним из самых распространенных, так и самых расплывчатых понятий. Многие авторы подчеркивали, что неопределенность позволяет обходить вопрос об ответственности конкретных выгодоприобретателей. Несмотря на это, сложился консенсус: глобальное развитие предполагает все более тесное переплетение государств и обществ, размывание прежних национальных барьеров и рост наднациональных процессов.

Западные мыслители акцентировали свои исследования на экономической интеграции и «сжатии пространства-времени», тогда как российская мысль постепенно выработала собственное видение, сообразное национальным культурным и политическим реалиям.

В 1960-1970-е годы в СССР активно обсуждались вопросы, близкие к сегодняшнему пониманию глобализации: угроза ядерного конфликта, демографический взрыв, экологические кризисы. Ученые Н.Н. Моисеев, И.Т. Фролов и др. подчеркивали планетарный масштаб этих вызовов и необходимость единой стратегии [9]. Их рассуждения во многом перекликались с докладами Римского клуба.

К концу 1980-х в публичной риторике появились тезисы о «новом политическом мышлении» и общечеловеческих ценностях, что отражало осознание взаимозависимости в условиях окончания Холодной войны. Однако сам термин «глобализация» еще не был распространен: чаще говорили об интернационализации или всемирном развитии.

После 1991 года Россия стремительно включилась в мировые экономические связи на волне либерализации, приватизации и притока западных инвестиций. Слово «глобализация» закрепилось в академическом и медийном обороте в начале 1990-х, одновременно с переводами трудов Э. Тоффлера, У. Бека, С. Хантингтона [1; 16].

Сразу после распада СССР понятие «глобализация» вошло в российский дискурс как символ либеральных реформ и открытых рынков. Левые публицисты (Б.Ю. Кагарлицкий) резко критиковали неолиберальный курс, указывая на «социальную цену» включения периферии в мировой рынок [7]. Консервативные авторы говорили об угрозе культурной эрозии, а первые тематические конференции («Международный банковский конгресс», 1998 и «Глобализация и Россия», 2002) зафиксировали раскол оценок. Дебаты институционализировались. Выход книги А.С. Панарина «Искушение глобализмом» [10] придал тон критике однополярности; в 2002 г. появился Институт проблем глобализации (ИПРОГ), а в 2003 г. издана энциклопедия Глобалистика [2], оформившая терминологию. Открытие факультета глобальных процессов МГУ в 2005 г. и запуск журнала «Век глобализации» закрепили академический статус направления.

Постепенно оформились несколько школ:

- Философско-методологическая – А.Н. Чумаков, В.С. Степин, А.Д. Урсул [15; 11; 12];
- Социально-экономическая – В.Л. Иноземцев, М. Делягин [6];
- Геополитическая – А.Г. Дугин, С. Караганов [4];
- Цивилизационно-культурная – А.А. Зиновьев, Г.Д. Гачев;
- и ряд других направлений.

Дальнейшие дискуссии сосредоточились на соотношении глобальной интеграции и национального суверенитета, перспективах модернизации России и ее роли в мировом порядке.

В консервативных и патриотических кругах России глобализация нередко описывается как проект западных элит, стремящихся закрепить собственную мировую гегемонию. Ключевая оптика данного взгляда – не «естественная» интеграция рынков, а борьба политических сил. Две фигуры задали тон этому дискурсу – Александр Сергеевич Панарин и Александр Гельевич Дугин.

В книге «Искушение глобализмом» А.С. Панарин описывает однополярный мир как стратифицированную пирамиду:

- ее вершина – элита развитых стран и транснациональных корпораций;
- основание – периферии, обслуживающие глобальный центр.

По Панарину, либеральная риторика всеобщего процветания лишь маскирует новую, жесткую систему неравенства. Развивая мысль, А.С. Панарин подчеркивал, что «глобальный рынок есть не свободная стихия, а проект, обслуживающий привилегии расы господ» [10. С. 247]. Он вводил понятие «мирового гражданства неравных»: право свободного передвижения капитала и информации закрепляется за ядром, тогда как периферия остается пространством «несвободы» и сырьевой зависимости [10. С. 259]. А.С. Панарин предлагал противостоять этому через «солидарную многополярность» – объединение западных цивилизаций вокруг ценностей социальной справедливости и культурной самобытности.

А.Г. Дугин, развивая неоевразийство, называет современную «реальную» глобализацию формой экспансии «золотого миллиарда», продвигающего свои экономические и культурные коды в ущерб остальным странам. В его модели глобальный центр, задействуя экономическое давление и информационную стандартизацию, постепенно подрывает суверенитет государств периферии и превращает их в постнациональные протектораты. Альтернативой он видит «многополярную глобализацию» – конфедеративный порядок, основанный на равноправии цивилизационных полюсов. «Однополярность – это не естественная стадия развития, а политический выбор, который навязывается всем остальным» [4. С. 153].

То есть геополитический подход настаивает, что глобализация не является стихийной экономической эволюцией; это стратегический курс, в рамках которого международные институты (ВТО, МВФ, НАТО) выступают рычагами влияния «ядра», а ключевая угроза для России и других периферийных акторов состоит в постепенной утрате политико-экономического суверенитета. Отсюда вытекает логика контр-стратегии: либо прямое сопротивление однополярности, либо формирование коалиций альтернативных цивилизаций, способных уравновесить западный центр. Именно эта оптика во многом повлияла на внешнеполитическую риторику РФ 2000-х годов и остается востребованной сегодня, когда санкции и цифровые платформы нередко оказываются действеннее классической военной силы.

Внешнеполитические документы РФ конца 2000-х годов подхватили тезис многополярности. Сегодня, когда санкции и цифровые платформы стали ключевыми инструментами давления, геополитическая оптика вновь популярна

в экспертной среде. Остается вопрос, достаточно ли одной политической рамки для объяснения столь комплексного феномена, как глобализация.

Российская традиция множественности культурно-исторических типов – от Н.Я. Данилевского до современных авторов – породила особый ракурс: глобализация оценивается прежде всего как ценностное столкновение цивилизаций.

Александр Александрович Зиновьев, вернувшийся из эмиграции в 1990-е, описал глобализацию как строительство «западного сверхобщества» – наднациональной элиты, навязывающей миру свои поведенческие и политические стандарты. В его работах глобализация становится не стихийным процессом, а инструментом нивелирования культур и подчинения периферии «логике потребления» [5. С. 84].

Философ-культуролог Г.Д. Гачев противопоставляет унификации принцип «полифонии»: каждая цивилизация вносит в мировой оркестр собственную мелодию. Потеряв разнообразие, человечество, по его мысли, утратит источники творческой энергии. Отсюда тезис – глобализация должна идти как обмен смыслами между культурами, а не как растворение «малых» миров в «большом» Западе [17].

Ряд авторов (православные богословы, культурологи) трактуют глобальные вызовы через призму духовного суверенитета [14]. Сетевое «православное сообщество» (крупные агрегаторы, тематические каналы, научные площадки), по их версии, может стать альтернативой секулярному универсализму, сохранив при этом открытую форму общения с иными культурами. Здесь звучит мотив «всемирной соборности» – идеал единства, основанного не на экономической гомогенизации, а на признании ценности духовных традиций.

Цивилизационный подход не отрицает объективное сближение стран, но считает, что играть главную роль должны взаимное уважение культурных кодов и диалог ценностей. Он критикует проект «однополярного мира» не с позиций геополитического баланса сил, а с точки зрения защиты человеческой и культурной самобытности. В результате глобализация мыслится не как марш к единой модели общества, а как поиск способов «остаться разными, становясь ближе» – формула, напрямую перекликающаяся с тезисом о многополярности, но выводящая его в сферу духа и культуры.

Российская линия «экономической глобалистики» вырастает из попытки трезво посчитать плюсы и минусы включения страны в единый мировой рынок. Ключевой тезис здесь – глобализация объективна: ее движут технологии коммуникаций и логика капитала, а спорить можно лишь о том, как встроиться, не утратив суверенитета и социальной стабильности.

Экономист и социолог Владислав Леонидович Иноземцев подчеркивает, что современная глобализация имеет комплексный характер и давно вышла за рамки торговли. Он различает интернационализацию (укрепление связей между национальными хозяйствами) и собственно глобализацию – фазу, где экономическое пространство перестает совпадать с политическими границами. «Мы живем в системе «много государств – один рынок»» – пишет он, добавляя,

что отсутствие наднационального регулирования порождает кризисы и усиливает неравенство [6. С. 11].

Отсюда следуют два практических вывода: ни одна страна не может «отгородиться» от мировой экономики без серьезных издержек; задача правительства – не спорить с глобальными тенденциями, а выстраивать механизмы компенсации рисков (диверсификация экспорта, накопление фондов национального благосостояния, поддержка инноваций).

Философ и политолог Александр Николаевич Чумаков выводит разговор за пределы экономики: в трилогии «Глобализация. Контуры целостного мира» – «Метафизика глобализации» – «Глобальный мир: столкновение интересов» он описывает глобализацию как естественно-исторический процесс перехода человечества к качественно новому системному состоянию. Рост взаимозависимости превращает планету в «организм»: локальные кризисы (финансовые, экологические, эпидемиологические) мгновенно распространяются, а решить их национальными средствами невозможно [15. С. 10].

А.Н. Чумаков признает, что глобализация несет не только выгоды, но и новые риски: углубление разрыва «Север – Юг», экологический предел роста, усиление культурных конфликтов. Поэтому он говорит о необходимости всемирного горизонта – формирования глобального управления и этики ответственности, где ключевую роль играют не корпорации, а международные институты и гражданское общество.

Для российских авторов, стоящих на социально-экономических позициях, вопрос формулируется так: как использовать открытость – доступ к технологиям, капиталу, глобальным цепочкам создания стоимости – и не оказаться «поставщиком сырья» с хроническим оттоком прибыли? Предлагаются три набора инструментов:

- Политика «умной открытости». Либерализовать те сегменты, где страна конкурентоспособна, и сохранять избирательный протекционизм там, где требуется время на развитие. Как справедливо заметил А. Эскобар, глобализация порождает не только потоки капитала, но и новые формы «пост-развития», ставящие под вопрос универсальность западной модернизации [19. Р. 215].

- Инвестиции в человеческий капитал. Глобальная конкуренция быстро перемещается в сферу знаний; без образовательного рывка участвовать в ней невозможно.

- Кооперация на региональных площадках. ЕАЭС, БРИКС и другие форматы рассматриваются как «промежуточный уровень» регулирования между национальным и мировым.

Таким образом, российская экономическая мысль определяет глобализацию не как устранимую угрозу, а как данность, с которой нужно работать: минимизировать уязвимости, извлекать выгоды и искать новую архитектуру международных правил, более чувствительных к интересам развивающихся держав.

Российская дискуссия о глобализации не исчерпывается геополитикой, цивилизациями и экономикой. Существует несколько «боковых» ветвей, каждая из которых расширяет проблему в свою сторону.

Борис Юльевич Кагарлицкий рассматривает глобализацию как очередную фазу капитализма: рост мобильности капитала и власти ТНК ведет к сжатию социальной базы демократии. Он утверждает, что неолиберальная модель уже к началу XXI века «подточена» неравенством и циклическими кризисами; на повестке дня – борьба за «альтернативную глобализацию», где приоритетом станет мировая социальная справедливость [7. С. 81].

Историк Вадим Леонидович Цымбурский предлагал образ «архипелага», который сознательно ограничивает вовлеченность в мировые процессы. По его мысли, Россия могла бы выиграть не от погружения в глобальную гонку, а от стратегического «отшельничества» – сохранить ресурсы и наблюдать за течением исторических циклов извне [13]. Идея не стала основным трендом, но дала почву для обсуждений о ценности умеренной автаркии.

Ученые, продолжающие традицию русского космизма (А.Д. Урсул, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Яковец), интерпретируют глобализацию как момент перехода биосферы в ноосферу: технологический скачок обостряет общий экологический предел, требуя всеобщей стратегии выживания. Урсул пишет о «глобальном развитии, которое либо будет управляемым, либо не будет совсем» [12]. Такой ракурс выводит тему за пределы политэкономии, ставя вопрос об эпохе «пост-человеческих» вызовов.

Все три ветви сходятся на том, что линейный сценарий «встраивания» неизбежен: либо его социальная цена неприемлема, либо культурная, либо экологическая.

В 2010-х к классическим вопросам добавился фактор ИКТ. Интернет-платформы, облачные сервисы и Big Data усиливают взаимозависимость быстрее, чем институции успевают адаптироваться.

Исследователи отмечают, что транснациональные IT-корпорации формируют «невидимую инфраструктуру власти»: доступ к пользовательским данным и алгоритмам ранжирования превращается в ресурс давления на государства. Отсюда появляющаяся российская дискуссия о цифровом суверенитете – идея хранить критические данные и ключевые узлы сети в национальной юрисдикции [18].

Цифровой мир одновременно стирает границы и дробит аудитории на «пузырьки». С одной стороны, онлайн-образование, удаленные профессии и креативные индустрии открывают новые каналы для включения России в глобальные цепочки. С другой – усиливается языковой и контентный барьер; пользователи погружаются в комфортные медиа-ниши, что порождает риск культурной сегрегации [23].

На ближайшие годы прогнозируется рост конфликтов вокруг цифровых стандартов (5G, ИИ-регулирование, кибербезопасность). Для России дилемма формулируется так:

- открытость – доступ к мировым инновациям, но зависимость от внешних платформ;
- закрытость – контроль над данными, но риск технологической изоляции.

Большинство аналитиков склоняется к «среднему» сценарию: инфраструктурный суверенитет + участие в международном выработке правил. Так цифровая глобализация становится продолжением вопросов о политической и культурной многополярности, только в более динамичной среде.

Российская мысль о глобализации за пять-шесть десятилетий прошла путь от первых «общечеловеческих проблем» советской эпохи до споров о киберсуверенитете и многополярном интернет-ландшафте. На этом пути оформились – и продолжают сосуществовать – как минимум четыре автономных пласта: геополитический, цивилизационный, социально-экономический и критико-альтернативный. Их оценки расходятся, но общая интонация ясна: российский опыт особенно показателен для государств глобальной периферии, ищущих баланс между интеграцией и защитой суверенитета; интеграция в мировой порядок возможна, только если она не выводит страну из режима культурной и политической субъектности.

Проблема, таким образом, двойственная. С одной стороны, планетарная взаимозависимость уже реальность: финансовые рынки, вирусы и алгоритмы перетекают через границы быстрее дипломатии. С другой – любой «универсальный» рецепт, предложенный из одного центра, почти неизбежно сталкивается с культурным и институциональным асинхронным развитием. Отсюда российский акцент на многополярности: в геополитике – баланс полюсов, в культуре – полифония цивилизаций, в экономике – умная открытость, в цифре – гибрид суверенитета и кооперации.

Как будет выглядеть следующая фаза? Ответ пока не дан ни одной школой. Ясно лишь, что дискуссия о глобализации смещается из статуса «дальнего горизонта» в режим текущего управления рисками: климат, кибер-атаки, данные, ресурсы. И именно здесь плюрализм российских концепций – критический взгляд слева, сберегательная логика «острова», космистский прогноз выживания вида – может оказаться полезен мировому разговору, который все еще ищет язык, способный совместить целостность планеты и разнообразие путей ее обживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Глобалистика: энциклопедия / под ред. И.И. Мазура, А.Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003.

3. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. М.: Академический проект, 2008.
4. **Дугин А.Г.** Геополитика постмодерна. М.: Арктогея, 2000.
5. **Зиновьев А.А.** Глобальный человек. М.: Эксмо, 2003.
6. **Иноземцев В.Л.** Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1.
7. **Кагарлицкий Б.Ю.** Глобализация и левые. М.: Логос, 2002.
8. **Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.** Пределы роста. М.: Прогресс, 1991.
9. **Моисеев Н.Н.** Судьба цивилизации. М.: Прогресс, 1988.
10. **Панарин А.С.** Искушение глобализмом: Россия и мир в XXI веке. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
11. **Степин В.С.** Цивилизации и культура: развитие и взаимодействие. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
12. **Урсул А.Д.** Глобальное развитие: концепции и стратегии. М.: Ин-т экономических стратегий, 2011.
13. **Цымбурский В.Л.** Остров Россия: геополитические и хронополитические работы. М.: Российский фонд культуры, 2007.
14. **Чаплин В.** Глобализация и «глобализм»: новые возможности, новые угрозы // Церковь и время. 2003. № 1 (22).
15. **Чумаков А.Н.** О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2 (14).
16. **Хантингтон С.П.** Столкновение цивилизаций? М.: АСТ, 2003.
17. Концепция культурного многообразия Г.Д. Гачева // КиберЛенинка // <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kultnogo-mnogoobraziya-g-d-gacheva>.
18. Цифровой мир – между глобализацией и фрагментацией // Российский совет по международным делам (РСМД). 10 апр. 2023 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/tsifrovoy-mir-mezhdu-globalizatsiey-i-fragmentatsiey/>.
19. **Escobar A.** Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1995.
20. **Levitt T.** The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983.
21. **Luttwak E.N.** Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. New York: HarperCollins, 1999.
22. **Wallerstein I.** World-Systems Analysis: An Introduction. Durham: Duke University Press, 2004.
23. **Fletcher R., Nielsen R.K.** Echo Chambers, Filter Bubbles, and Polarisation: A Literature Review. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2018 // <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/echo-chambers-filter-bubbles-and-polarisation-literature-review>.

D.A. YAKUNICHEV

Postgraduate student of the Department
of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

CONCEPTS OF GLOBALIZATION IN RUSSIAN POLITICAL PHILOSOPHY OF THE LATE 20TH CENTURY – EARLY 21ST CENTURY

The article examines the main approaches to the concept of globalization within the framework of Russian political philosophy during the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century. It traces the evolution of perspectives, ranging from critical and conservative and geopolitical interpretations opposing Western expansion, to civilizational and socioeconomic perspectives that view globalization as a natural historical process. The article demonstrates that Russian theories, rooted in national philosophical traditions, simultaneously critique the «unipolar» world order while promoting the idea of multi-polar cooperation based on principles of equality and cultural diversity. Special attention is paid to the works of Russian thinkers who have proposed innovative approaches to understanding the global system, including the concepts of «dialogue among civilizations» and «multi-polar globalization». These ideas may be of interest to scholars who study global transformation processes, international relations theory, and political philosophy.

The paper highlights that Russian theories of globalization represent not only a response to external challenges but also an internal quest for a development model: from the idea of «smart openness» in economics to cosmism as a future-oriented framework. The analysis demonstrates that, despite ideological diversity, most authors acknowledge the irreversible nature of interdependence and emphasize the need for equitable distribution of benefits. This makes the Russian perspective representative of a broader global discussion about the future structure of the global system after the crisis.

Key words: globalization, Russian political philosophy, geopolitics, civilizational approach, multipolarity, cultural identity, dialogue of civilizations.